

Сергей РЯДЧЕНКО

РУЖКА

Лёнке Еременко
и Вовке Малецкому

И ведь было это в самом что ни на есть эпицентре развитого социализма, посреди его перекрывшей все прочие самой оголтелой пятилетки, что раззудила свое победное шествие в незабываемом семидесятом, юбилейном, эпидемическом, от обилия Ильича в котором можно было просто повеситься или взять да лопнуть (и лопались ведь, и плющились), а завершила его невиданными (никем) достижениями в год получения нами дипломов о высшем образовании. Да, тем и ценнее.

В Одессе тогда и холера объявилась не просто так, а как искра улыбки посреди вакханалии неживого смысла.

Наш ин'яз располагался на углу Торговой и Пастера в Доме Фундуклея, где в библиотеке еще сохранился Воронцовский камин, а в зале второго этажа сверкучий паркет, на котором, за полтора века до, танцевал и Пушкин.

Январь студенческой жизни месяц противоречивый. В конце его мерцает, маня, свобода лыжная каникул, но добраться до нее можно лишь сквозь многосоставные препятствия зимней сессии, которая не в пример летней извилиста и непредсказуема, поскольку весь сентябрь, а то и с доброй половиной октября, студенты провели счастливо в колхозных полях на уборке небывалого при царе урожая, и предметы им, стало быть, преподаны после, в остаток семестра, как успелось, а спрашивать будут, как захотят. Да, друзья, кто не спрятался, мы не виноваты. Но с Божьей помощью, скажу, жить можно было, вы вспомните, только вот в том-то как раз и фокус, что ни на какую Божью помощь мы в ту пору полагаться не полагались — верить не верили, — и потому как кого пронесило на тех испытаниях к заветному росчерку в зачетке, остается на совести каждого в отдельности и всех нас вместе взятых.

А когда, пацаны, будут спрашивать?

Сегодня, вероятно, кому-то покажется странным, но в те времена, чтобы сдавать экзамены, приходилось штудировать. Ну хотя б накануне. Ну хоть что-нибудь.

Можно, конечно, поточней назвать дату того нашего озарения, но особой нужды в таком буквоедстве мы сегодня не видим. Дошнские же волны обратиться к университетским архивам и установить, в какой из январей, 1971-го или другого рядышком года, наш курс сдавал древнеанглийский период истории языка, имевший в свою очередь место тысячелетием ранее. Предмет, кстати, без лишней скромности, совсем не для слабонервных. Его не только надо было с доски в тетрадь на лекциях переписывать, но еще и, несмотря ни на что, из сомнительных, под разными авторами, затертых источников вбивать себе в голову целыми пачками — склонений со спряжениями, глагольных классов по осложнителям и рядами аблягута в его инфектах, перфектах и аористах, что для индивидуума, возматурившегося овладеть современным языком германской группы, согласитесь, весьма и весьма обременительно. И потому хитрованы тех дней разработали стратегию с тактикой: одни пишут лекции, а другие шпорят* учебники по разделам, а в сессию сходятся для унификации. Был и еще способ прорваться. Заклучался он в том, чтобы в упомянутые труды не ввязываться, жить в семестр вольно, но зато состоять в тесном приятельстве с одним, а лучше с несколькими трудягами одной, или опять же обеих, вышеуказанных групп, и таким образом быть допущенным на авральные посиделки в качестве любимица для дрессировки.

А Лёнку обожали все. И не за то, что весь отечественный кинематограф был отснят на пленке его родного города, и не только за то, что был он из Шостки, а шутил, как мы, не хуже, а то и смешнее, а просто потому, что он, надо признать, был из нас наиболее обязательным бездельником. И вот он, помню, при мне сразу после Нового года, распушив свои пиратские бакенбарды у перил третьего этажа над пролетом мраморной лестницы, по ступеням которой, будьте уверены, тоже полтора года тому ступали все, кому потом предстояло войти в Историю, договаривается с Малым и Алисой о таком вот *reunion***.

Малой дотошен, педант, Алиса преданна и трудолюбива; они оба и на лекции ходят, и шпоры строчат мелким бисером.

— Только у меня мать ремонт затеяла, — говорит Малой.

— Можно у меня, — говорит Алиса, — в общежитии.

— Зачем? — Лёнка рад, что хоть чем-то теперь может пригодиться. — Ко мне давай-те. А найти вам меня раз плюнуть. Я снимаю комнату в Павловском здании.

— Это где?

Ну, Алисе иногородней, допустим, простительно, а вот Малому, жителю частного сектора над Аркадией... пожалуй, что тоже, хотя и странно, согласитесь. Ну на то он и Малой, педант и почти отличник.

И тогда Лёнка говорит:

— Я ж говорю, раз плюнуть, — говорит он. — Я когда поступать ехал, мне мама сказала: "Сойдешь с поезда, выйдешь с вокзала, но не прямо, а направо — там у них сразу их главная площадь. Вот куда Ленин на ней рукой показывает, туда и пойдешь". Чего проще? Квартира такая-то, этаж такой-то.

— Действительно просто, — согласилась Алиса.

И даже Малой не устоял, тоже кивнул. Ну дальше, не помню уж, выпили мы, наверно, в ближайшей точке на Торговой чего-нибудь легенького, сессия ведь, — скажем, по одному европейскому — пенистому не от того, что оно игристое, а оттого, что такой вот тугую холодной струей вам его на прилавке из стеклянного конуса в стакан поддают, — и разбежались, ведь сессия.

Ну а дальше утро перед экзаменом, рань, как тогда принято, еще несусветная, толком не рассвело, по факультету всюду лампы горят, как на праздник, но только не праздник же, и Лёнка в вестибюле протяжно и даже без обиды, а больше с удивлением, гнусавит сквозь проем с приступком мимо тети Цици в наш гардероб, где Малой с красными с мороза щеками и примятой от шапки шевелюрой вешает на крючок необъятную доху:

— Ну что же ты, Владимир, нас взял да покинул? Мы ж без тебя, отец родной, так в гранит сей и не вгрызлись. Нам же теперь пред лицом профессора и сказать-то нечего, окромя "зэт ыз Абрахам сэ хым энгла Гад наман ниван аскииоп"*** и "зэт взз гууд кунинг"****.

И чувствуется, что что-то Лёнка вчера все ж познал, однако ж дело не в этом.

— Представляешь, — говорит красный с мороза, как рак, Малой. — Ленин твой никому да рукой не показывает.

* Шпорить — (жарг.) писать шпаргалки

** Reunion — (англ.) воссоединение; встреча старых друзей

*** ðæt is Abraham se him engla God naman pi wap ascéop — (др. англ.) "Это тот Авраам, которому бог ангелов дал новое имя" (Исход, 380)

**** ðæt wæs gōd cyning (Beowulf, 11) — "Это был хороший король" (Беовульф, 11)

— Да иди ты.

И Алиса уже тут как тут, тоже с мороза. Да и все мы оттуда в то утро — красные, смелые, молодые.

— Вов, ты чего? — говорит Алиса. — Я ж нашла.

— Ну не знаю, куда ты смотрела, — говорит Малой. — Потоптался я там на ветру — уши в трубочку. И воротился не солоно хлебавши.

Ах, что за слова мы в ту пору артикулировали, их на вкус во рту перекатывая. Нравилось, ох, нравилось же.

— А может, Вова, темно было? — допытывается Лёнка то ли всерьез, то ли в шутку. — Вот ты и не заметил.

— Не морочь голову, — говорит Малой. — Утром пришел. Как договаривались.

— Так и сейчас утро, а темно же еще.

— Короче, — говорит Малой. — Для тугодумов. Ленин куда не указывает.

— Ну как же так?!

— А вот так. Вообще никуда.

Ну и кто ему поверил?

И вот, одолев кто как на свой страх и риск историю еще одного великого языка, мы веселой гурьбой, по ходу навеваясь во все точки, крайняя из которых на том маршруте располагалась по соседству с пожарной каланчой и славила своей крепкой лидией, отправились к монументу вождя мирового пролетариата, дабы самолично удостовериться. И дорогой обсуждали не без изысков, хоть и взахлеб, кто, где, когда и сколько поведидал на своем веку изваяний человеческого из человеков. А к слову, город наш ими не обижен. Тут вообще всего хватает, ну и скульптурных Ильичей в частности — в камне, в бронзе, в гипсе, в чугуне и не в чугуне, и в чем вы только хотите, включая и того во втором пространстве внутреннего дворика дома на Софиевской, на зеленом, буром, красном, коричневом, почти по центру, пьедестале, — во что дворник ворота выкрасит, в том и этот, — а в тот год почему-то вопреки воротам в позолоте весь, росточком с подпрыгнувшего пекинеса, рядом с которым, будь то в одиночестве или же в компании гостей на экскурсии, вас не покидало внятное чувство, что сейчас вот *всех нас* приедет бобик и заметут — за соучастие, бляха-муха, в искажении основной идеи генеральной замысла.

А хотите знать, а вы б как себе думали, будь вы на нашем месте? Так ответьте, как на духу, пока не дочитали: так куда Ленин в Одессе рукой показывает?

Вот и мы, сколько в пути ни тараторили, а неизменно приходили к выводу, что Малой привирает.

А вы как думали?

Идем дальше.

И приходим на Куликово поле, под январский ветруган, что шибает слезы из глаз, и подходим к вождю, и смотрим; и хоть слезы, а видно ж нам, не отвертеться, что на главной площади нашего города на фоне монументального здания обкома партии с гранитным его цоколем и твердолобой колоннадой Ленин наш нам никуда, друзья, не показывает, а вместо этого одной рукой со смятой кепкой опирается на постамент, а другую, вопреки всему, предусмотрительно держит в кармане.

Ай да скульптор, ай да сын Одессы! Чем бы ни руководствовался, какой бы необходимостью, — производственной (камень с карьера не довели) или моральной (вот мне это где уже все!) — а только ж увековечил, мастер, неизбывную нашу с вами, друзья, *нетривиальность*, которая, такая, только тут и растет, а потом уже ветры перемен, если сыщутся, — а они сыщутся, — разносят ее по всему белу свету. Ну, и как думаете, в обещанное нам светлое будущее мы так и не попали из-за *нашего* Ленина на площади, или другие причины тоже вмешались? А между прочим, из того года тогда, там, на ветру, нам до коммунизма уже было рукой подать. Только вот руки-то как раз и не сыскалось.

— Ну вот, я ж говорил! — громыхает Малой победоносно на все Куликово. — Вот я и не нашел.

Полное посрамление нас зацикленных, нас неверующих.

Миг позора. Хмельное раскаяние.

А у вас как?

Но в отместку за всех за нас звучит голос Алисы.

— Все равно дурак, — говорит она. — Как можно не понять, куда идти.

А Лёнка сказал:

— Да молодец ты, Вован! Экзамен позади. Все к лучшему. Я тебе даже еще спасибо скажу.

Они с Алисой, в смысле Лёнка, а не Вовка, потом чуть не поженились.

То есть, куда шли, не дошли, но пришли, куда надо.

Как и все прочие.

Как и мы с вами.

Одесса,
13-е февраля,
2005,
воскресенье.